

С л о в о

въ навечеріе великаго пятка, послѣ страстей Господнихъ:

Разбойника благоразумнаго во единомъ часѣ раевѣ сподобилъ еси, Господи,

Во единомъ часѣ!.. Но, братія, что это былъ за часъ и что это былъ за разбойникъ! На память и въ урокъ ведемъ христіанскимъ поколѣніямъ св. Церковь назвала разбойника сего благоразумнымъ и доселѣ ублажаетъ его подъ этимъ наименованіемъ. Въ чемъ же выразилось благоразуміе его? Конечно—и въ томъ, что, среди общаго безумія, обуявшаго расщипателей Иисусовыхъ, онъ одинъ сумѣлъ познать въ Иисусѣ Богочеловѣка, невинно страдающаго, и во мракѣ страданій Его приметить зарю и предвѣтъ будущей Его

славы. Но по преимуществу благоразуміе разбойника сказа-
лось въ томъ, что онъ, подь вліяніемъ духовнаго озаренія
своей мысли о распятомъ Иисусѣ, съумѣлъ не потратить да-
ромъ послѣдняго предсмертнаго часа, съумѣлъ истинно по-
каяться и вѣрою и покаяніемъ не только сблизиться и со-
единиться съ Богочеловѣкомъ, но и въ душѣ своей поло-
жить прочныя начала для новой духовной жизни. Простѣ-
димъ Евангельское сказаніе о разбойникѣ и мы вполне убѣ-
димся въ этомъ.

*Тогда и разбойника, распятая съ Нимъ (съ Иисусомъ),
поношаста Ему. Отъ шестаго же часа тма бысть
по всей земли до часа девятаго.* (Матѣ. XXVII, 44, 45).

Это сказаніе Евангелиста Матѣя, правда, показываетъ, что
и спасшійся разбойникъ взшелъ на крестъ и, въ первые
минуты распятія, висѣлъ на немъ если и не съ ожесточені-
емъ души, по крайней мѣрѣ съ полными предразсудками
противъ божественности Лица Иисусова. Т. е. страннымъ ка-
залось и ему, какъ Иисусъ называетъ себя Сыномъ Божиимъ,
а не сходитъ со креста, и какъ Онъ *и нынѣ спасе, и себе
не можетъ спасти*. А еще болѣе—какъ Онъ не отвѣчаетъ
на такой важный вопросъ, какой предъ лицомъ крестнаго
позорища, въ успокоеніе своей лукавой совѣсти, распростра-
няли въ народѣ торжествующіе архіереи и книжники: *аще
царь израилевъ есть, да сходитъ нынѣ со креста и
спруемъ въ Него*. (Матѣ. XXVII, 42). Безъ сомнѣнія, эта
замѣченная Евангелистомъ черта была въ разбойникѣ чер-
тою мрачною; но не въ этомъ—вопросъ. Здѣсь видны толь-
ко общій потокъ зла, всеокрушающая сила общей народной
молвы, увлекшая за собою и благоразумнаго. Вопросъ глав-
ный—въ томъ здѣсь, почему же этотъ мракъ духовный, об-
легавшій тогда лучшіе умы въ Иерусалимѣ, разсѣлся такъ
скоро въ душѣ только разбойника.

Вотъ съ шестаго часа по восточному счету, а по на-
шему съ двѣнадцатаго, солнце вдругъ скрыло свѣтъ свой и
вовсе померкло, такъ что *тма бысть по всей земли до
часа девятаго*, или, по нашему счету, до третьяго по по-
лудни. (Матѣ. XXVII, 46). Явленіе это, особенно въ связи
съ послѣдовавшимъ за тѣмъ землетрясеніемъ, видимо было

необычайное; но оно, какъ и землетрясеніе, ни у кого не вызвало въ Іерусалимѣ серьезной думы о личности и послѣдствіяхъ пролитой крови и смерти Того, кто называлъ Себя Сыномъ Божиимъ и засвидѣтельствовалъ это своимъ ученіемъ и своею жизнію, знаменіями и чудесами. Въ Іерусалимѣ, не смотря на необычайную тьму и землетрясеніе, обычные только хлопоты по приготовленію къ пасхѣ; у креста изобрѣтаются лишь новыя насмѣшки. *Илію глашаютъ Сей. Увидимъ, аще пріидетъ Ілія спасти Его*, говорили *иные отъ здѣ стоявшихъ*. (Матѣ. XXVII, 48, 49). Что же въ это время всемірнаго мрака—физическаго и духовнаго—дѣлаетъ разбойникъ? Истекая кровію, онъ прекратилъ токъ хуленій своихъ, замолчалъ, задумался,—задумался глубоко,—всѣмъ, такъ сказать, существомъ души своей. При безмолвіи, при кротости и незлобіи Іисуса, разбойника поразила внезапный, ослзаемый мракъ міра. Разбойника до глубины души потрясъ и трусъ, въ девятомъ часу послѣдовавшій. Разбойникъ припомнилъ при себѣ все, что видѣлъ въ жизни Іисуса и что слышалъ о Немъ отъ другихъ. И вотъ онъ, выразимся здѣсь словами Церкви, какія она на этотъ разъ влагаетъ въ уста его, начинаетъ разсуждать самъ съ собою: „если бы среди насъ распятый не былъ дѣйствительно воплотившійся Богъ, не бы солнце лучи свои потаило, ниже бы земля, трепещущи, тряслася.—Нѣтъ, всѣ—въ заблужденіи! Среди насъ дѣйствительно виситъ и страждетъ самъ воплотившійся Богъ!“ Итакъ, видите, разбойникъ, сначала поносившій Іисуса на крестѣ, среди мрака, просіяваетъ въ умѣ своемъ до того, что богословствуетъ о воплощеніи Бога Слова и распятіи Богочеловѣка.

Увѣровавъ въ Іисуса, какъ Лице Божественное, разбойникъ не останавливается на этомъ, а съ каждыиъ мгновеніемъ идетъ впередъ, возраждается и зрѣетъ духовно. Когда товарищъ его по злодѣйству въ ожесточеніи своемъ снова продолжалъ изрыгать на Іисуса хулу, онъ уже *прещаше* ему. И притомъ какъ *прещаше*? *Ни ми ты боишия Бога, яко въ томъ же осужденъ еси* (Лук. XXIII, 40)? съ кроткимъ упрекомъ говорилъ онъ ему. Неужели, т. е., до того заблудился и ожесточился ты, что совершенно не понима-

ешь, какъ нехотятъ, какъ неразумно позволять себѣ глумиться надъ участію и позоромъ когобы-то ни было, когда эта участь и этотъ позоръ есть вмѣстѣ и твой позоръ и твоя участь? *Въ томъ же осужденъ еси.* Неужели опять и теперь, въ эти минуты, когда вотъ—вотъ умрешь ты и волею или неволею предстанешь предъ Господомъ Судіею, нехочешь и не находишь нужнымъ подумать ни объ Немъ, ни о судѣ Его и совершенно уже отрекся отъ Бога? *Ни ли ты боишься Бога?* Итакъ разбойникъ на крестѣ воспитываетъ въ себѣ страхъ Божій и пробуждаетъ память суда Божія.

За тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе и все виднѣе съ каждымъ мгновениемъ заражаются и просвѣтляются духовныя черты его. *И мы убо,* продолжаетъ онъ наставительную рѣчь свою къ ожесточенному злодѣю, *мы осуждены въ правду; достойная бо по дѣломъ нашимъ восприемлема* (41). Не изыщешь и словъ на языкѣ человѣческомъ, чтобы достойно передать эти чувства лучшаго изъ людей своего времени, ибо разбойникъ въ эти мгновенья былъ дѣйствительно однимъ изъ таковыхъ людей. Передадимъ эти чувства, хотя какъ умѣемъ и какъ понимаемъ ихъ. Да, страшна участь наша съ тобою, несчастный соратъ, какъ бы такъ говорилъ благоразумный. Ужасна казнь креста; ибо *проклятъ естъ отъ Бога всякъ висѣли на древе* (второз. XXI, 23). Проклятъ онъ по силѣ закона, проклятъ и по силѣ народнаго презрѣнія. И тѣмъ еще тяжелѣе это проклятіе, что оно пройдетъ въ вѣка, перейдетъ съ нами и за могилу и лишитъ насъ всякаго дерзновения предъ Богомъ. Повторяю, ужасна казнь креста. Къ истерзаннымъ останкамъ нашимъ, какъ жертвамъ позора и проклятія, по смерти нашей, едва ли коснется рука ближняго и едва ли упадетъ на нихъ чья слеза. Но подумай, кто здѣсь виноватъ. Мы сами заслужили себѣ этотъ позоръ, эту участь своими тяжкими злодѣянiami. Пробѣжимъ мысленнымъ взоромъ прошедшую жизнь нашу, вспомнимъ наши кровавыя дѣла, и ты согласишься, что мы съ тобою дѣйствительно только *достойная по дѣломъ нашимъ восприемлема*. Какая здѣсь бездна самопознанія! Какая бездна сокрушенія! Подъ казню изъ казней, при напряженіи элементно готовыхъ разорвать-

ся нервъ, при истеченіи кровію, забыть какъ бы совершенно тѣлесныя страданія свои и, въ замѣтъ того, поднять се-
дна души всю нечистоту ея, вызвать иль прогнѣдшаго всю
гнусность дѣлъ своихъ и оцѣнить всю преступность ихъ
предъ Богомъ и людьми: о, это возможно только для того,
кто, распинаемый на крестѣ, не столько былъ распинаемъ,
сколько самъ распиналъ себя и свой грѣхъ. Другими сло-
вами: это возможно только для того, кто успѣлъ погрузить
себя не только въ бездну сокрушенія въ грѣхѣ, но и возбу-
дить въ себѣ полнѣйшее отвращеніе къ всякому грѣху. Но
и этимъ, возможно-полнымъ для человѣка, сокрушеніемъ и
безропотнымъ терпѣніемъ не заканчивается еще красота воз-
родившейся души разбойника. Дальнѣйшія черты его еще
свѣтлѣе.

*Сеи же (Иисусъ) ни единого зла сотвори. И малолише
Иисусови: помяни мя, Господи, егда приидеши во цар-
ствѣи си* (Лук. XXIII, 42). Ты, какъ бы такъ говорилъ
благоразумный ожесточенному товарищу, не болей Бога, ни
стыдись и дѣлъ, за которыя висѣшь теперь на крестѣ, толь-
ко и знаешь, что ноносишь Иисуса. Но подумалъ ли при
этомъ, за что такъ ты упорно ноносишь Его? Что Онъ сдѣлалъ
тебѣ? Или—что Онъ сдѣлалъ худаго вообще кому либо? Что
напримѣръ слышалъ ты объ Иисусѣ—кромѣ того, что слѣ-
пымъ давалъ Онъ прозрѣніе, глухимъ—слухъ, нѣмымъ—
языкъ, больнымъ—исцѣленіе, былъ милостивъ къ грѣшни-
камъ, не пренебрегалъ и мытарями и не только не обагривъ
рукъ своихъ чѣю либо кровію, какъ мы съ тобою, но не
осквернилъ и языка своего худымъ или дерзкимъ словомъ.
И теперь, когда на всемъ мѣстѣ казни кипитъ злоба про-
тивъ Него и отсюду сыплется извѣтельная насмѣшка на Него,
посмотри, такъ Онъ кротокъ и противъ оскорбителей своихъ,
какъ агнецъ, не отверзаетъ устъ своихъ! Гдѣ найти среди
людей такую сдержанность, такую кротость, такое изумитель-
ное терпѣніе и незлобіе? *Сеи же ни единого зла сотвори.*
Если же Онъ и называлъ небеснаго Отца своимъ Отцемъ,
а Себя Сыномъ Его и Богомъ: такъ кто же Онъ другой,
какъ не дѣйствительно воплотившійся Сынъ Божій и Богъ?
Что до меня, вѣрую и поповѣдую, Иисусе, что Ты *свѣтъ*

ну Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти. Вѣрую и исповѣдую, что Тебѣ неотъемлемо принадлежить и царство, какъ позорный крестъ Твой не отъемлетъ отъ Тебя божества. Вѣрую и молю Тебя, помяни и меня, несчастнаго, во царствіи Твоемъ, когда, по устроенію высшихъ судьбъ Отца небеснаго, придетъ время вступить Тебѣ въ обладаніе симъ царствомъ. *Помяни мя, Господи, егда придеши во царствіи си.* Что ни слово, то новый перлъ души и новый порывъ сердца возвыситься нравственно и облиться съ страждущимъ Богочеловѣкомъ. Сколько здѣсь вниманія и благоговѣнія къ Иисусу! Сколько здѣсь святости чувства и зрѣлости мысли! Нельзя сказать: *Сей ни единаго зла сотвори,* не окинувъ, не прослѣдивъ предварительно разумнымъ взоромъ жизни и дѣяній Иисуса и не сознавъ при этомъ полнѣйшей несостоятельности послѣдняго народнаго приговора о Немъ. Сколько за тѣмъ открытой, искреннѣйшей и безусловно непоколебимой вѣры въ божество Иисуса! Человѣку, боящемуся Бога, какимъ показалъ себя и разбойникъ на крестѣ, рѣшительно нельзя совершенно не естественно омрачить послѣднихъ минутъ жизни лицемѣремъ или двоедушіемъ, или исповѣдать Иисуса Богомъ безъ внутренняго, сердечнаго убѣжденія въ истинѣ новаго своего вѣрованія. И когда же проявилась вѣра Его? Когда весь Иерусалимъ и все лобное мѣсто оглашали Иисуса именемъ крамольника и богохульника, когда блазнились души, предавшии Иисусу, когда колебались и лучшія сердца учениковъ Его.

Теперь, братія, вы можете видѣть, кому со креста были сказаны Господомъ Иисусомъ приснопамятныя слова Его: *днесь со Мною будеши въ раи.* Они сказаны человѣку, который приблизился къ Нему глубокимъ богомысліемъ, полнымъ самоосужденіемъ и раскаяніемъ, безропотнымъ несеніемъ заслуженной казни, благоговѣйнымъ сочувствіемъ къ Его божественному Лицу и неповиннымъ страданіямъ и полною, среди всеобщаго невѣрія, вѣрою въ божество Его, словомъ — человѣку, совершенно возродившемуся въ душѣ.

Скорость совершившагося въ разбойникѣ духовнаго возрожденія не должна блазнить насъ. Какъ высшій степенъ

пламени въ короткое время растопляетъ и очищаетъ самый грубый и твердый металлъ, брошенный въ средоточіе его: такъ полный пламень покаянныхъ скорбей и полная сосредоточенность разбойника на себѣ самомъ и окружавшихъ его страстныхъ событіяхъ, всецѣло коснувшись души его, разомъ, такъ сказать, прожгли въ ней дикіе наросты, какими острупили ее время и злодѣянія, а за тѣмъ путемъ вѣры открыли въ нее доступъ свободному току благодати. Духовное возрожденіе разбойника съ этой точки зрѣнія представляется намъ прежде всего огненнымъ очищеніемъ, или тѣмъ крещеніемъ его огнемъ, которое имѣлъ въ виду Господь Іисусъ въ то время, какъ сказалъ нѣкоторымъ изъ учениковъ своихъ: *чашу, юже Азъ пью, испіета, и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаяся, крестится* (Марк. X, 39), т. е. очищеніемъ души и просвѣтленіемъ духовныхъ свойствъ ея чрезъ горнило страданій. Пусть же теперь тѣ, которые, въ виду во единомъ часѣ спасшагося разбойника, откладываютъ до послѣднихъ дней жизни дѣло души, не забываютъ, что разбойнику спасеніе его стоило горнила, огненного крещенія, или другими словами—самораспятія,

Перейдемъ теперь къ другой половинѣ слова и скажемъ нѣсколько словъ о томъ часѣ, въ который спасся разбойникъ. Мы скажемъ о немъ мало, очень мало, если назовемъ его только особеннымъ, нарочитымъ, многозначительнымъ. Часъ сей—выше этихъ наименованій. Это—часъ, единственный во всей исторіи человѣчества по своему значенію, ни во времени, ни въ вѣчности никогда неповторимый и ничѣмъ незамѣнимый. Это—часъ не евхаристическаго, но въ историческомъ смыслѣ дѣйствительнаго личнаго жертвоприношенія Богочеловѣка предъ Отцемъ небеснымъ—самого Себя за грѣхи всего міра,—часъ, на страшныхъ мгновѣніяхъ котораго единственно и основана была вся нравственная возможность долготерпѣнія Божія къ павшему человѣчеству и на совершившейся дѣйствительности котораго утверждены и стоятъ крѣпко всѣ надежды христіанина относительно его будущаго;—часъ слѣдовательно, въ которомъ находятъ свое средоточіе всѣ нити, всѣ пути Божественнаго смотрѣнія о спасеніи человѣка—грѣшника, отъ первой человѣче-

своей чести до всемирнаго суда Божия. Удивительно ли послѣ этого, если глубоко и искренно покаившійся въ такомъ часѣ разбойникъ прощенъ былъ во всѣхъ грѣхахъ своихъ, когда въ это именно время къ Отцу небесному возносилось уже благоуханіе отъ святѣйшей жертвы за грѣхи всего міра? Удивительно ли, если совершившееся духовное возрожденіе въ разбойникѣ тотчасъ же, по смерти его, отверзло ему и двери рая? Но вотъ что напротивъ здѣсь достойно удивленія: какъ и такой часъ не спасъ товарища разбойникова, который, какъ извѣстно, отчуждивъ себя отъ Бога и Христа ожесточеніемъ и тяготою хуленія, со креста ниспелъ прямо во адъ. И не только удивительно это, но невольно наводитъ насъ на печальныя думы.

Видно, братія, милосердіе Божіе не безусловно! Видно, сама крестная любовь, за насъ распявшаяся и всѣмъ намъ спастися желающая, не привлечетъ насъ къ небеснымъ обителямъ, если мы не соединимся съ нею нашею мыслію и чувствомъ, нашими желаніями и дѣлами, или не возродимся въ души нашей по духу Евангелія! Видно, приближаетъ къ намъ милосердіе Божіе одно только истинное сокрушеніе нашего духа или сильное распятіе въ себѣ грѣха, и спасаетъ насъ не часъ или день, годъ или долгота лѣтъ, а истинно-христіанское настроеніе души и искренняя вѣра въ Спасителя міра! Законъ здѣсь—одинъ: *нѣтъ общенія у свѣта со тьмою и у Христа съ вѣлларомъ.* (2 Кор. VI, 15).

Эти то думы, братія, и унесемъ съ собою изъ святаго храма въ руководство для дальнѣйшей нашей жизни, на память о благоразумномъ разбойникѣ и въ нѣкую благодарность съ нашей стороны къ Господу Іисусу, кровавымъ, крестнымъ подвигомъ совершившему дѣло нашего спасенія.

Протоіерей В. Розаліевъ.